

Вот уже восемь лет прошло со дня смерти Владимира Высоцкого. Успели смениться времена, двадцатилетние приблизились к тридцати, сорокалетние — к пятидесяти. И самому ему было бы сегодня пятьдесят. Кажется, должна уже произойти естественная смена вкусов, перемениться мода, а популярность Высоцкого не падает.

Споры о Высоцком не утихают. Хотя и перестал он быть фигурой запретной или полузапретной, что, по мнению противников художника, вызывает к нему «нездоровый интерес», хотя, кажется, многие жгучие вопросы, поставленные в его творчестве, разрешены или могут быть разрешены в новых условиях, хотя появились новые певцы, новые кумиры эстрады. Впрочем, никто еще толком не разобрался ни в количестве поклонников Высоцкого, ни в их социальной и возрастной принадлежности, ни, в сущности, в числе его сторонников и противников, никто не измерил температуру его успеха. Пока образ поэта, певца и актера на-

возрастной и социальный состав его одержимых поклонников. Раньше мне казалось, что это — молодежь. Но стал я получать письма от клубов Высоцкого, от отдельных почитателей из провинциальных городов России, людей самых разных возрастов и профессий. Это были рабочие, служащие, студенты, школьники. Ко мне неоднократно приезжали люди, чтобы услышать из первых уст нечто неизвестное о покойном артисте. Оказалось, что у них хранятся уникальные записи его выступлений, собраны все редкие еще тогда высказывания о нем в печати. Мне показывали и присылали статьи и заметки, написанные местными знатоками творчества Высоцкого для городских и районных газет. Средства массовой информации еще не пропагандировали Высоцкого, никем не была инспирирована его слава. Это были молва народная и любовь народная. Высоцкий был услышан и прочитан еще до первых публикаций его стихов, до первых выпусков его пластинок.

Вместе с укреплением всенародной известности Высоцкого стала определяться и оппозиция его творчеству. Частично входят в нее люди, которые во всякой славе видят результат рекламы или даже зловредной деятельности по отравлению народа чуждыми ему понятиями и вкусами. Эти обычно прибегают к методам компромата, недожеланным в приличном обществе. О них говорить не стоит.

Есть и другие, так сказать, «теоретики», в теорию которых никак не укладывается Высоцкий, и поэтому они склонны считать, что слава его искусственно создана в среде «столичных снобов», которым почему-то легковерно следует простодушный народ. Обе категории — ругатели и теоретики — сходятся в своей подозрительности, но вторым все же хочется возразить, поскольку в теории их есть как будто рациональное зерно. Они утверждают, что культура XX века непереходимо разделена на элитарную и народную. В этих понятиях — так, как их трактуют противники Высоцкого, — много неувязок. Только ли в XX веке есть элитарная культура и что это такое? Являются ли Вольтер и Гете, русский философ Владимир Соловьев представителями элитарной или народной культуры? Нет ли переходов между той и этой? Не становятся ли достижения элиты постепенно доступными массам, не расширяется ли со временем объем народной культуры? Не лучше ли говорить о единой национальной культуре, основанной на единстве нравственных понятий народа и творцов его искусства и философии? Есть ли разница между массовой культурой и народной? Кто кому дал преимущественное право на толкование смысла и содержания народной культуры? Вот такие вопросы хочется поставить перед противниками и даже сторонниками творчества Высоцкого именно сейчас.

И еще один, последний, вопрос: не является ли интеллектуализм Высоцкого принадлежностью обеих искусственно разделенных сфер духовной жизни и опровержением идеи их антагонизма?

Давид САМОЙЛОВ.

НА СНИМКЕ: В. Высоцкий в спектакле Театра на Таганке «Антимиры» (1967).

Фото В. Ахломова.

«СВЯТО ВЕРЮ В ЧИСТОТУ...»

ходится еще в сфере эмоциональных оценок, в области вкуса, причины которого не разобраны, в области моды, если угодно. Мода, о которой принято говорить с презрением и в интонациях превосходства, — отнюдь не пустяк, а явление сложное, проблема актуальная и тоже никак не исследованная. Мы чувствуем недостаточность нерасчлененного понятия «мода», поэтому мы часто прибавляем: «дурная», «хорошая». Существует, к примеру, мода на песни Розенбаума и на прозу Булгакова. Одного ли корня, качества, одновременности эти две моды? И отчего возникает мода? И не является ли хорошая мода тем рубежом, с которого элитарная культура переходит в культуру массовую? Впрочем, об этих двух терминах я скажу ниже

На вопросы, заданные мной, нет готовых ответов, ибо в них сконцентрированы проблемы общественных понятий о добре и зле, оценка конкретных исторических обстоятельств различными слоями общества, ситуации в литературе и в иных видах искусства, позиция средств массовой информации и многое другое. Не претендую хотя бы на приблизительные ответы. Я не социолог, не историк, не специалист по эстетике, не литературовед. Им бы следовало заняться феноменом вкуса и моды, разделить зерно от плевел, открыть сущность явления. Для этого настало время. И Владимир Высоцкий — как одна из самых ярких фигур, находящихся почти два десятилетия в центре общественного внимания, — несомненно, должен стать предметом серьезных исследований

Я же хочу пока поделиться своими личными впечатлениями и размышлениями.

...Помню погожий летний день в Пярну, внезапно омрачившийся, когда поэт Юлий Ким, потрясенный трагическим известием, сообщил, что умер Высоцкий. Так рано? Так неожиданно? Я уже несколько лет не

встречался с ним, не видел его работы на износ, его полного отсутствия самобережения. Я видел его только на заре славы, когда ничто не предвещало близкой смерти, любил его, высоко ценил его талант.

Вскоре я узнал о похоронах Высоцкого, получил из Театра на Таганке, где когда-то пересеклись наши пути с Высоцким, фотографии общественной панихиды, которая была истинно общественной и гражданской, ибо стихийно, не по указке, а скорее против указаки, многие тысячи людей собрались проводить его в последний путь.

Похороны Высоцкого, как это, к сожалению, часто бывает, заставили впервые задуматься об истинных масштабах его дела, о его подлинном влиянии на массы, о художественной ценности его творчества. А может быть, и естественно, что уход художника становится точкой отсчета, ибо отсюда видны не только отдельные этапы его пути, не сегодняшние успехи и просчеты, не его незавершенность и обещания, а освободенное от строительных лесов здание, которое при жизни никогда не бывает достроено, а тут оказывается завершенным и цельным.

В последние годы при многочисленных встречах с читателями в разных городах и разных аудиториях, среди многих вопросов о литературе, общественных явлениях неизменно большое количество их относится к Высоцкому. «Расскажите о Высоцком», — настойчиво требуют посетители моих вечеров. В некоторых случаях люди приходят именно потому, что они знают о моем знакомстве с Высоцким, и иногда вечера превращаются в сплошные разговоры о нем. Меня это никогда не обижает. Хочется понять, почему именно он вызывает такой интерес аудитории, посмотреть, каков

Владимир В И С О Ц К И Й

ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Умеренно быстро

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь — наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх —
Навеки, навеки.
Для остановки нет причин,
Иду, скользя.
И в мире нет таких вершин,
Что взять не удастся.

Среди нехоженых путей
Один — пусть мой.
Среди невзятых рубежей
Один — за мной.
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят.
Среди непройденных дорог
Одна — моя.

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И гайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит.
А я гляжу в свою мечту —
Поверг голов,
И свято верю в чистоту
Снегов и слов.

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
«Удач — всегда!..»
А день, какой был день тогда?
Ах, да — среда.